

5. Leriche P., MacKenzie D. N. Dura Europos. Encyclopaedia Iranica. 2011.
6. Martin J. Who Are the Christians in the Middle East? Grand Rapids, Michigan : William B. Eerdmans. 2003. p. 191.
7. Michael D. ASOR Cultural Heritage Initiatives (CHI): Planning for Safeguarding Heritage Sites in Syria and Iraq. URL: http://www.asor-syrianheritage.org/wp-content/uploads/2015/05/ASOR_CHI_Weekly_Report_39r.pdf#page=17 (date of access: 10.12.2018)

Беляева-Сачук В. А., Симонова В. В.

САКРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА МИНЕРАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Аннотация. Статья посвящена взаимосвязи «человек-ландшафт-сакральные акторы-добыча минеральных ресурсов». Показана разница в подходе добывающих компаний и местных жителей, считающих, что натуральные богатства принадлежат богам, как одним из акторов глобальной экономики.

Ключевые слова: сакральная экономика, сакральность ресурсов, Южная Сибирь, Бурятия, добыча минеральных ресурсов

Взгляд добывающих компаний, как частных, так и государственных, основан на прагматике использования недр земли. Минеральные ресурсы здесь не что иное, как абстракция, которая должна превратиться в монетаризированное богатство индивидов, их добывающих. Прагматика инвестиции рабочей силы, необходимой технической базы должна обернуться капиталом, пройдя все необходимые стадии. На этом отношении с землей, по сути, заканчиваются. Пространство наполнено только одним смыслом – капиталом, а минеральные ресурсы – средство реализации этого смысла.

Местное население, совершенно иначе смотрит на, казалось бы, один и тот же процесс. Локальный взгляд на минеральные ресурсы, их добычу и дальнейшее использование имеет сакральную природу: ресурсы принадлежат божествам и духам гор, которые позволяют или не позволяют человеку их добывать. Такое представление реализуется в сложной системе социальной иерархии и реципрокальных отношениях, где важнейшими акторами являются истинные владельцы минералов – боги. Поскольку именно боги решают, что открывать, что отдавать людям из их сокровищницы взамен на жертвоприношения и почтение, а также боги решают, кого карать за нарушение установленных ими законов и воровство их богатства, то богам нужно уметь нравиться, с ними нужно уметь договариваться. Поскольку минералы – часть не пассивных недр, но действующего и одухотворенного ландшафта, то сакральны не только сами их хозяева, но и сами минералы. Так, например, нефрит является сакральным камнем у бурят и сойотов. Для сойотов нефрит представляет собой не только традиционно-культурную сакральность, но еще и политическую.

Так, в 2006 г. сойоты были признаны коренным малочисленным народом Севера и внесены в государственный реестр с последующими закреплениями за ними различных льгот, легитимных для всех коренных и малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Будучи признанными как «этнос», сойоты должны были представить ряд черт, которые подтверждали и воспроизводили бы их новый статус. Одним из таких признаков стал нефрит, обращенный в камень – визитную карточку для государства и внешней аудитории. Таким образом, нефрит умножил свою сакральность для молодого «этноса»: он превратился в культурный и символический капитал, выражаясь неомарксистским языком социолога Пьера Бурдьё [1].

Локальное микро-производство различных изделий из нефрита не только транспортирует идею сакральности минерала, подчеркивая его историко-культурную значимость, но еще и утверждает идентичность, рожденную на пересечении сакрального и экономического измерений, которые все более устойчиво встраиваются и находят свои ниши в современной экономике этнотуризма. Культурная коммодификация региона, таким образом, основывается на минерале, аккумулирующем в себе целый комплекс разнообразных и неоднозначных интерпретаций.

Сакральность ресурсов проявляется в локальных нарративах о чудесных столкновениях (иногда пугающих, иногда намекающих на неверное поведения в местах скопления минералов) с истинными владельцами богатств земли. Так, существуют истории о «красном песке», который является оберегом, если найти его на сакральном месте. Считается, что песок передают людям божества гор, которые решают кто достоин такого ценного подарка. По представлениям местных жителей, если этим песком обсыпать по периметру стены дома, то пожар, воровство и другие несчастья не будут угрожать его жителям.

Сакральность также отражается и на социальной структуре локального сообщества. Исторически мастера, связанные с металлом делились на две подгруппы кузнецов: белых и черных. Белые кузнецы работали с золотом и серебром, а черные с обычным металлом и изготавливали не ювелирные, а практические изделия, такие как оружие, подковы для лошадей и иные предметы для бытового использования. Обе эти группы нарративно относились к категории, тех, кто способен вступать в диалог с богами и духами гор. У людей этих

профессий традиционно были свои родовые жилы, национализированные или утерянные после революции 1917 г.

Именно социальная память о прошлых родовых владениях, основанных на легитимности, данной богами, на сегодняшний день составляют основу моральной экономики местного населения. Вместе с памятью транслируется и легитимность на неформальную добычу минералов, которая является традиционной для социальной группы. Исходя из представлений местных жителей, добыча минеральных ресурсов по правам богов передается по наследству потомкам кузнецов. Данная локальная идиома оправдывает и воспроизводит нелегальную, с точки зрения других акторов, добычу ценных минеральных ресурсов.

Нелегитимные пришлые, так называемые дельцы, также находят свое место в сложной реципрокальной локальной системе сакральной экономике минеральных ресурсов. Однако их роль далека от лидирующей. Здесь необходимо обратиться к истории, произошедшей в середине девятнадцатого столетия в Окинском районе республике Бурятия, чтобы пояснить, что здесь имеется в виду. Так француз-делец Жан Алибер стал владельцем графитового рудника, поскольку губернатор Иркутской губернии, глядя на образцы минералов, разочаровался, что это не свинец и поэтому продал дешево месторождение, как ему казалось, невежественному и наивному французу. Впоследствии выяснилось, что было продано месторождение очень качественного графита (истории местных повествуют о том, что графит с этого месторождения был также использован при тушении Чернобыльской АС).

Жан Алибер стал не только богатейшим человеком, но еще и прогрессивным «политиком места», ратующим за, говоря современным языком, «устойчивое развитие региона». Он построил железную дорогу, оранжерею и ипподром, а также поддерживал культуру сойотов. Легенда повествует, что у него остались потомки от его связи с сойотской шаманкой. Также, исходя из легенды, Жан Алибер неожиданно и спонтанно покидает Россию и переезжает обратно во Францию. Ни сам делец-француз, ни его потомки больше никогда не были богаты, а наоборот, их преследовали различные несчастья. Местная легенда по-своему раскрывает причину таких событий: Жан Алибер нашел очень крупные алмазы в горах. Его предупредили, что их вывозить нельзя, это было просто показано ему духами, в знак их расположения к нему. Когда он уезжал из Окинского региона через перевал в Саянах, боги его чуть не убили. Жан Алибер остался живым, но остальная жизнь его была неудачная: алмазы не принесли ему богатства.

По словам местных жителей, несчастья не покидали и его потомков. Его пра-правнучка обратилась к местному шаману с вопросом о преследовавших ее бедах и получила ответ: ее предок взял очень ценный камень у местных божеств и она должна искупить его вину, вернув богам простые камни, взятые с французской мостовой. Она последовала совету шамана, а также собрала вместе с другими представителями ее рода украшения, серебро, кораллы, золото и провели обряд. После этих ритуальных действий жизнь рода «пошла на поправку».

Эта легенда и социальный контекст ее имеет выход в локальной морали: тот, кто берет много ресурсов, обязательно будет наказан вместе с его родом. Так, боги проверяют людей на способность последних быть честными партнерами сложной цепи реципрокальных отношений с сакральным ландшафтом, быть честным агентом сети обмена и признавать их статус и право на владение минералами.

Примечательно, что подобное объяснение не ограничивается легендой о французе-дельце и родовом искуплении его неверно-трактованного расположения хозяев гор. Есть и более современные примеры. В 2002 г. компания ЮКОС хотела прокладывать нефтепровод по Тункинской долине. Нефтепровод должен был как раз проходить в десяти километрах от святого места одного из верховных божеств местного пантеона. Сакральное существо спит в виде каменного изваяния, но в любой момент может проснуться и защищать свое место. Так, местные жители интерпретировали арест бывшего главы ЮКОСа Михаила Ходорковского, как результат политической воли не государства, но божества, которое не хотело быть потревоженным реализацией проекта нефтепровода на его территории.

Исходя из вышеизложенного, возникает проблема несоответствия легитимизации практик добычи минеральных ресурсов и тактик обоснования права на их использование, свойственная различным группам и заинтересованным акторам. В связи с этим, исследование данной проблемы нуждается как в новом теоретическом осмыслении и терминологии, так и в практических рекомендациях по облегчению диалога между государством, политикой ресурсно-добывающих компаний и местным сообществом. В данном случае, речь идет о научных разработках именно агентности ландшафта, его способности к реакциям, которые интерпретируются через призму социально-экономической сферы, поскольку именно данная концепция является релевантной для достижения целей данного проекта и выработки оригинальной методологии понимания отношений человек-ландшафт-минеральный ресурс в Южной Сибири.

Библиографический список:

1. Бурдые П. Практический смысл. Спб. : Алетей. 2001.